

Глава 1. Прямой эфир

Воздух на девяносто девятом этаже Башни Vought всегда пах одинаково: озоном, стерильностью кондиционеров и дорогим парфюмом людей, которые слишком сильно потеют от стресса.

Я стоял в полутьме аппаратной, скрестив руки на груди, и смотрел на ряд мониторов. По ту сторону тонированного стекла, залитая безжалостным светом студийных софитов, разворачивалась главная иллюзия Америки. Прямой эфир для вечернего прайм-тайма.

Хоумлендер сидел в кресле напротив ведущего. Идеальная осанка, золотистые волосы, уложенные волосок к волоску, расслабленная поза уверенного в себе бога. Плащ водопадом спадал за спинку кресла. Его улыбка — запатентованная, проверенная на тысячах фокус-групп, излучающая надежность и патриотизм — работала безотказно. Камеры любили его. Рейтинги ползли вверх.

Моя работа в отделе антикризисных коммуникаций обычно сводилась к тому, чтобы разгребать последствия после того, как кто-то из суперов ломал позвоночник фанату на вечеринке или произносил не те слова на пресс-конференции. Я привык управлять катастрофами постфактум. Но сегодня меня временно прикрепили к прямому эфиру. Стандартная процедура корпоративного наблюдения, как мне сказали в руководстве. Ничего сложного. Просто следить, чтобы скрипт выполнялся без отклонений.

— И именно поэтому, Марк, для меня нет ничего важнее безопасности обычных граждан, — бархатисто произнес Хоумлендер, глядя прямо в объектив первой камеры.

В аппаратной кто-то из младших пиарщиков облегченно выдохнул. До конца эфира оставалось четыре минуты. Все шло гладко, как по маслу. Слишком гладко.

«Никогда не верь тишине в эфире,» — подумал я, машинально поправляя гарнитуру. Мой отец, доктор Дэниел Кросс, когда-то работал на Vought в куда более мрачных проектах, связанных с наблюдением за объектами. Я не пошел по его стопам в лаборатории, предпочтя кабинеты и пресс-релизы, но унаследовал от него главное: умение распознавать момент, когда система начинает давать сбой.

Ведущий Марк, опытный журналист с репутацией лояльного к корпорации пса, вдруг опустил глаза в свои карточки. Его кадык нервно дернулся.

— Это... это прекрасные слова, Хоумлендер. Но как быть с теми, кто считает иначе? Вчера независимое издание опубликовало отчет о событиях в Трентоне. По их данным, во время захвата террористов погибло трое заложников. Гражданских лиц. Из-за... — Марк запнулся, явно осознав, какую черту переступает, но пути назад уже не было. Рейтинги или смерть. — Из-за неконтролируемого применения вашей силы. Как вы прокомментируете это семьям погибших?

В аппаратной повисла мертвая тишина.

Я подался вперед, вглядываясь в центральный монитор.

Улыбка Хоумлендера не исчезла. Она приклеилась к его лицу, застыла, как пластиковая маска. Но глаза... Глаза стали абсолютно мертвыми. На долю секунды, уловимую только для тех, кто знал, куда смотреть, мышцы его челюсти напряглись так, что под кожей перекатились желваки. Пальцы в красных перчатках, покоящиеся на подлокотниках кресла, едва заметно сжались. Металл подлокотника тихо скрипнул, деформируясь.

Это был не просто неудобный вопрос. Это была потеря контроля. Публичное обвинение в прямом эфире, где миллионы людей прямо сейчас смотрели на него, ожидая оправданий. А Хоумлендер не оправдывался. И уж тем более не терпел, когда его припирали к стенке какие-то смертные с микрофонами.

— Какого хера он несет?! — взвизгнул в динамиках голос главного режиссера. — Этого нет в телесуфлере! Отрубите ему микрофон! Пустите рекламу!

— Нельзя рекламу, это будет выглядеть как признание вины! — крикнул кто-то из пиар-отдела.

Хоумлендер молчал. В масштабах прямого эфира пауза длилась уже целую вечность — три секунды. Его голова чуть склонилась набок. Я знал этот жест по внутренним отчетам службы безопасности. Это был жест хищника, который прислушивается к сердцебиению жертвы перед тем, как разорвать ей горло. Воздух в студии, казалось, начал нагреваться. Если он сейчас использует тепловое зрение или просто размажет ведущего по стенам, акции Vought не просто рухнут — компанию придется собирать по кускам.

Люди вокруг меня паниковали, их голоса сливались в истеричный белый шум.

Я действовал на одних рефлексах.

Сдвинув в сторону застывшего звукорежиссера, я нажал кнопку прямой связи. Канал, который шел прямо в микроскопический наушник, спрятанный в правом ухе Хоумлендера.

— Не молчите. Дышите, — мой голос прозвучал в микрофон низко, ровно и холодно. Без паники. Без дрожи. Идеально выверенная антикризисная интонация.

На мониторе я увидел, как Хоумлендер едва заметно моргнул. Его взгляд на миллиметр сместился, словно он пытался сфокусироваться на звуке, возникшем прямо в его голове.

— Сместите фокус на выживших, — продолжил я, чеканя каждое слово, не оставляя ему пространства для эмоций, давая только четкий алгоритм действий. — Семьдесят три спасенных жизни. Вы скорбите о потерях, но вы приняли тяжелое решение ради большинства. Покажите сострадание. Напомните им, что вы несете это бремя, чтобы они могли спать спокойно.

Сейчас.

Никаких просьб. Никакого заискивания, к которому он привык от руководства Vought. Только чистая, концентрированная инструкция.

Хоумлендер медленно выдохнул. Напряжение в его плечах чуть спало. Улыбка на его лице трансформировалась — из жесткой, пластмассовой гримасы она вдруг превратилась в выражение глубокой, искренней печали. Это было пугающе идеальное перевоплощение.

— Марк... — голос Хоумлендера дрогнул ровно настолько, насколько требовалось. — Это самая тяжелая часть моей работы. Та, о которой не пишут в комиксах. В Трентоне было восемьдесят человек. Террористы были готовы взорвать здание. Я принял решение... решение, с которым мне придется жить до конца моих дней. Мы спасли семьдесят три жизни. Семьдесят три человека сегодня вернулись к своим семьям. Но те трое...

Он сделал идеальную паузу, опустив взгляд.

— Я скорблю вместе с их семьями. Я не всемогущ, Марк. Я не бог. Я просто человек, который делает все возможное, чтобы защитить эту страну. И иногда... этого недостаточно.

Тишина в студии теперь была совсем другой. Не напряженной, а благоговейной. Ведущий, осознав, что только что получил материал на «Эмми», закивал, его лицо смягчилось.

— Спасибо за вашу честность, Хоумлендер. Это требует мужества.

— Боже мой, он гений, — прошептала ассистентка рядом со мной, вытирая несуществующий пот со лба.

Я отпустил кнопку связи. Мышцы спины ныли от напряжения, о котором я даже не подозревал. Я сделал ровный вдох. Кризис был купирован. Формулировка сработала идеально: мы сместили акцент с «убийства гражданских» на «трагическую необходимость», добавив щепотку уязвимости. Классика. Я профессионально выполнил свою работу. Ситуация была под контролем.

Так я думал в тот момент.

— Снято! — крикнул режиссер в микрофон, когда пошли финальные титры. — Всем спасибо, эфир окончен! Это было потрясающе!

Красные огоньки на камерах погасли. Студия мгновенно ожила. Гримеры бросились к ведущему, техники начали сматывать кабели. Привычный хаос после удачного прямого включения.

Я отвернулся от пульта, собираясь выйти в коридор, чтобы составить краткий отчет для Мэделин Стилвелл о произошедшем инциденте. Но что-то заставило меня остановиться и бросить последний взгляд через стекло в студию.

Хоумлендер не встал с кресла.

Он не обращал внимания на суетящихся вокруг людей. Он не слушал извиняющегося ведущего, который что-то блеял, пытаясь оправдать свой вопрос.

Хоумлендер смотрел прямо на тонированное стекло аппаратной.

Стекло было зеркальным с его стороны. Он не мог меня видеть в темноте помещения. Физически не мог, разве что используя рентгеновское зрение, но его глаза не светились. И тем не менее, я почувствовал физическое давление этого взгляда. Он смотрел не на стекло. Он смотрел прямо на меня.

Его голова была чуть наклонена, словно он прислушивался.

«Он слышит,» — холодная, кристально ясная мысль ударила по нервам. — «Сквозь звукоизоляцию, сквозь болтовню техников. Он слышит мой пульс.»

Я знал о его возможностях по документам Vought. Знал, что он способен уловить сердцебиение за десятки метров. Но читать отчеты — это одно. А стоять под этим тяжелым, немигающим взглядом — совсем другое. Я заставил себя дышать ровно. Не давать ему повода зацепиться за страх. Мое сердцебиение должно было оставаться таким же спокойным, каким был мой голос в его ухе.

Хоумлендер медленно поднялся. Плащ скользнул по его спине. Он небрежно отодвинул с дороги какого-то осветителя, даже не взглянув на него, и направился к выходу из студии.

Я вышел из аппаратной в широкий коридор, залитый люминесцентным светом. По протоколу, после сложных эфиров представитель антикризисного отдела должен был провести короткий брифинг с супергероем, чтобы закрепить результат. Я поправил галстук, принимая дежурное, вежливое выражение лица. Никакого страха. Только корпоративная субординация и профессионализм.

Двери студии разъехались.

Хоумлендер вышел в коридор. Вблизи он казался еще больше. Форма Vought подчеркивала каждый мускул, а запах озона вокруг него сейчас был настолько густым, что першило в горле. Съёмочная группа вытекала из студии следом за ним, торопясь разойтись по своим делам, стараясь не задерживаться рядом с самым могущественным существом на планете.

Его взгляд мгновенно нашел меня.

Синие глаза изучали мое лицо с пугающей, почти хирургической интенсивностью. В них не было привычной публичной теплоты, не было даже гнева за ситуацию на эфире. Там было острое, хищное любопытство. Как у биолога, который обнаружил под микроскопом бактерию, ведущую себя вопреки законам природы.

Я сделал шаг навстречу, держа дистанцию.

— Отличная работа в эфире, — произнес я ровным тоном. — Вы идеально выдержали паузу. Инцидент в Трентоне теперь будет восприниматься как вынужденная жертва, а не превышение полномочий. Отдел аналитики уже фиксирует рост позитивных откликов в социальных сетях.

Он не ответил. Он даже не моргнул. Он просто продолжал смотреть на меня, медленно сокращая расстояние.

Шаг. Еще шаг.

Мое пространство начало схлопываться. Я подавил инстинктивное желание отступить назад. Если я покажу, что он может давить на меня физически, я проиграю до того, как начнется настоящая игра. Я остался стоять на месте.

Он остановился так близко, что я мог разглядеть золотистые крапинки в его радужках. Он возвышался надо мной, заставляя меня слегка поднять подбородок, чтобы смотреть ему в глаза.

— Это был ты, — его голос прозвучал тихо, почти интимно, контрастируя с громоздкой броней его костюма.

— Я временно замещаю ведущего специалиста на этом проекте. Эван Кросс, отдел антикризисных...

— Я не спрашивал твое имя, — он перебил меня, не повышая тона, но в его словах лязгнул металл. — Я сказал: это был ты. Тот голос в моей голове.

Он слегка наклонился ко мне. Я заставил себя смотреть ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Вы потеряли контроль над скриптом. Моей задачей было вернуть вас в безопасное русло, — спокойно ответил я. — Вы профессионально воспользовались предоставленной информацией. Кризис миновал.

Уголок его губ дрогнул. Не улыбка, а тень чего-то опасного и голодного.

— «Не молчите. Дышите», — процитировал он мои слова в точности с той же интонацией, с

какой я произнес их в микрофон. Его голос понизился, став бархатным и угрожающим. — Никакой паники. Никакого дрожащего блеяния, как у Стилвелл или этих ничтожеств из пиара. Ты отдавал мне приказы, Эван Кросс.

Он все-таки запомнил мое имя. И произнес его так, словно пробовал на вкус.

Вокруг нас продолжали сновать техники, пронося мимо кабели и стойки со светом. Никто не решался посмотреть в нашу сторону, но я чувствовал, как напряжение в коридоре можно резать ножом.

— Я давал рекомендации, — поправил я, не меняя тона. — Моя работа — защищать ваш публичный образ.

— Рекомендации, — он медленно кивнул, словно обдумывая это слово. Его глаза скользнули по моему лицу, задержавшись на шее — там, где под кожей билась сонная артерия. — Твой пульс не изменился. Даже сейчас. Ты вообще чего-нибудь боишься?

«Того, что ты можешь прожечь мне череп одним взглядом,» — подумал я.

«Того, что руководство использует меня как наживку.»

«Того, что я не контролирую ситуацию так, как мне казалось.»

— Я боюсь падения котировок акций нашей компании, — ответил я сухой корпоративной фразой. — Если у вас нет вопросов по эфиру, я должен составить отчет.

Я сделал вежливый кивок и собирался обойти его. Это был риск. Повернуться спиной, попытаться завершить разговор первым. Но я должен был установить границы.

Хоумлендер не двинулся с места, чтобы преградить мне путь, но его голос остановил меня так же надежно, как бетонная стена.

Он обернулся к остаткам съемочной группы, толпящейся у выхода из студии.

— Все вон, — произнес он негромко, но звук разнесся по коридору, как удар хлыста.

Люди замерли. Режиссер открыл рот, чтобы что-то сказать, но, встретившись взглядом с Хоумлендером, мгновенно побледнел и жестом приказал всем убираться. Через десять секунд коридор опустел. Тяжелые звуконепроницаемые двери студийного блока закрылись с глухим щелчком, отрезая нас от остального здания Vought.

Я остался стоять в трех шагах от него. Свидетелей больше не было. Камеры в этом крыле были отключены по протоколу приватности супергероев.

Хоумлендер медленно повернулся ко мне. Его лицо лишилось последних следов человеческой мимики, оставив только холодную, пугающую мощь.

— А ты, — его голос стал тяжелым, заполняя собой все пространство вокруг, не оставляя мне ни единого шанса на побег. — Останься.

<http://bllate.org/book/18410/1759041>